

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г61

Серия основана в 2011 году
Выпуск 551

Художник
А. Клепаков

Головина О. С.

Г61 Добро пожаловать в Ард! Тьма и пламя: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3103-8

Ванда сохранила свою свободу и даже получила возможность продолжить обучение. Близится первый бал академии, и впору вздохнуть с облегчением, но тени прошлого вновь встают у нее за спиной.

Они не отпускают, вынуждая Ванду искать правду о своем рождении и о том, кем она является на самом деле. И чем больше ищет, тем сильнее тьма сгущается вокруг нее. Но в этот раз девушка не одна. Поддержка Кристиана станет лучшим щитом, а огонь в руках горит все ярче, придавая сил. Сможет ли Кристиан укротить тьму, а Ванда — принять правду? И так ли важно это, если сердце уже открылось любви?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Головина О. С., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3103-8

ГЛАВА 1

Кристиан уже не помнил, сколько проклятий мысленно произнес, пока король наконец изволил убраться из академии. Казалось, что не осталось ни одного уголка Арда, куда не вздумал из любопытства заглянуть их надоедливый монарх. Кристиан был зол и неистово желал придушить венценосного гостя, сопровождая его мрачным демоном. Титанических усилий стоило изображать покорность и радушие.

Что ж, слова короля слышали многие, и не только руководство Арда. К сожалению, проклятые маги воздуха и инрэйги обладали отменным слухом. А Ламон постарался, голося на весь Белый зал, как раненый ханка. Сплетен не остановить. Скоро каждый будет знать, что Ванда — приемная дочь Синхелма. Ему было плевать на данный факт. Но не мелким напыщенным снобам, то бишь воспитанникам академии.

Ванде придется нелегко. Он мог бы хоть завтра потащить ее в храм и принудить дать брачную клятву, чтобы заткнуть всем рты. Но понимал, что этим только подтвердит, что окружающие правы. Не бежать, не стыдиться, не отчаиваться, ходить с высоко поднятой головой. Она упряма, и как бы ни болело сейчас сердце, девушка справится. Ему же остается только поддержать ее, как и обещал.

Трин... Так это настоящее имя? Кем же были ее родители, где ее семья? Действительно погибли во время войны? Хотелось добраться до Синхелма и долго пытаться, чтобы немедленно рассказал всю правду!

— Что не так с этими студентами? — сердито спросил Кристиан, шагая по коридору в компании не желающей отставать Вильят.

Он прекрасно слышал, как шептались с удивлением и неким пугающим почтением смотревшие на него воспитанники

Арда. Король покинул академию, давая всем возможность вздохнуть с некоторым облегчением. Рэйвану удалось разогнать остальное руководство, но Селма словно прилипла, сопровождая его в кабинет. Демонстративно отослать проректора он не мог, нелепо было бы и использование медальона, чтобы самому исчезнуть. Проклятье... Он желал быть в другом месте, но должен играть роль ректора.

— Все говорят о твоём мужестве, — взволнованно вздыхая, отозвалась Вильят. — Или это было безумие? Временное помутнение рассудка?

— Я же предупреждал, дорогая Селма, что не стану врать королю. И всего лишь сказал правду. В любом случае поступил бы так же, — сдержанно пояснил Кристиан, поднимаясь по лестнице на третий этаж, к своему кабинету. — Только эта единственная причина заставила меня рискнуть головой. Я уверен в своих словах, иначе выбрал бы иное.

— Ванда Синхелм приносит столько проблем! — Сама того не подозревая, Селма вновь вызвала у Рэйвана приступ ярости.

Глаза некроманта стали почти черными, он задержал дыхание, благо стоял спиной к говорливой женщине, перед дверью. Кристиан чувствовал, как чёрный рисунок проступал на его теле, поднимаясь по шее. Шумно вдыхая, а затем выдыхая уже спокойнее, Кристиан молча толкнул дверь и вошёл в кабинет, позволяя проректору последовать за ним.

— Я не знала, что ты посещал Беренгард перед возвращением в академию, — проговорила она.

Селма остановилась у стола, наблюдая за тем, как Кристиан прошёл к окну, открыл его настежь и впустил вечернюю прохладу.

— Ты знал о том, что эта девушка...

— Да, — коротко бросил он, не желая обсуждать подробности того, как именно открылась ему правда.

— И не сказал мне?

— А в чём необходимость такого откровения, Вильят?

Кристиан не обернулся, опираясь обеими ладонями на подоконник и подставляя разгоряченное лицо ветру.

— Сегодняшний день не стал для тебя ответом на этот вопрос, Кристиан? — нахмурилась проректор. — Стоило предупредить меня. И возможно, Фергас был очень даже прав, предлагая исключить встречу этой студентки с королем.

— Достаточно! — наконец обернулся Рэйван.

— Ты рискуешь своей жизнью ради этой сироты! — запальчиво воскликнула Селма, шагнув к нему. — Ты подумал, чем это может обернуться для академии? Это проблемы рода Синхелмов! Это не должно касаться тебя. Ты слишком добр! Как и твой отец.

— Я знаю, что делаю, Селма, — холодно ответил Рэйван. — И я поступил, как должен был поступить.

— Ах, моя голова! — застонала Вильят. — Ты сведешь меня с ума!

— Фемир Синхелм просил меня позаботиться о его дочери, видимо, предполагая подобную ситуацию. Ты же знаешь короля. Он простит своему любимцу что угодно.

— Но ты не его любимец, Кристиан. Тебе он не простит. Поэтому никогда больше...

— Тебе нужно хорошенько отдохнуть, Селма. Этот день принес волнения, но он почти окончен. Завтра все будет привычно нудно и скучно — все, как ты любишь. Ступай. Отоспись как следует.

Вильят нехотя подчинилась, и едва дверь закрылась за ее спиной, как Кристиан активировал медальон. Перенесся сам, прекрасно зная, что в обратном случае была вполне реальная угроза подпалить замок. Нет, он должен прийти сам. Оказался на одной из площадок, даже здесь ощущая жар разогретого воздуха. Рэйван прошелся по горячим камням, направляясь в сторону нужной ему части территории, отведенной боевому факультету.

Установленный щит бледно тлел, очерчивая своим сиянием черневший кусок площадки. Ванда сидела на камнях, отрешенно оттирая от гари наручи рукавом рубашки, превратившейся в серую тряпку. На волосах осел пепел, делая ее почти седой. Спутанные пряди, выбившиеся из косы, липли к покрытому испариной и черной гарью лицу. Она посмотрела исподлобья, нервно принимаясь тщательнее тереть наручи краем рукава, натянутого до пальцев.

Кристиан прошел сквозь щит и неспешно приблизился к ней, останавливаясь рядом. На мгновение Ванда замерла, затем снова стала мучить снаряжение. Он чувствовал ее опустошение. Она истратила силу настолько, что вряд ли была способна зажечь и свечу.

— Кажется, они тебе дороги. Вода справится с этим делом лучше. У озера ты сможешь...

— Ты не удивлен, — едва слышно проговорила Ванда. — И не зол...

— Ванда! — Кристиан подступил на шаг ближе.

— Просто ответь, ты знал об этом, когда заключал сделку с отцом?

— Нет. — Он протянул руку, предлагая опереться и подняться с выжженной площадки.

Ванда некоторое время смотрела на его ладонь, рассеянно отмечая тот факт, что она практически зажила, стерлись полученные ранее ожоги. Кто бы стер их с ее души... Подбирая наручи, Ванда свободной рукой приняла поддержку Кристиана и была рывком поднята на ноги. Он не произнес ни слова, пока вел ее к одному из искусственных небольших озер, находившихся за площадками. Молчала и Ванда, благодарная за то, что Кристиан просто пришел. Больше ничего не нужно. Ни слов, ни действий.

Она справится, она будет в порядке. Она сможет. Необходимо лишь время, чтобы все осознать и принять. Огонь высушил слезы, их просто не осталось. Это прекрасно. Она не собиралась реветь и дальше, теща обитателей Арда. И пусть она снова в центре внимания, униженная откровениями короля, но будет идти с прямой спиной. Но кое-что тревожило не меньше. От этого чувства ощутимо кололо где-то в груди. Оно смешивалось с эгоистичным желанием ощутить необходимую защиту, будто была жалким ребенком, а не студенткой боевого факультета. И это нужно немедленно прекратить.

— Откуда эти наручи? — спросил Рэйван, садясь на песчаный берег у самой кромки воды, рядом с Вандой. — Они кажутся совсем старыми. Чьи они?

— Ты не должен так поступать, — глухо отозвалась она, принимаясь расстегивать манжеты испорченной рубашки и подворачивать рукава.

— Ты не хочешь рассказывать об этом снаряжении? Хорошо. — Кристиан упрямо изобразил, что не понял ее слов.

— Ты никогда не должен клясться своей жизнью ради кого-то вроде меня. — Ванда набрала полные пригоршни воды, окуная в нее разгоряченное перепачканное лицо.

— Ну... — не поддался некромант, опускаясь в невысокую траву, росшую на берегу, и закладывая руки за голову для удобства. — Я же ректор этого заведения. Каким я буду руководителем, если не стану вступаться за своих студентов? Это моя работа, Спичка.

Ее плечи напряглись. Он прекрасно видел, как Ванда замерла, держа в пригоршнях воду.

— Неужели ты решила, будто я...

— Нет! — сухо ответила, не оборачиваясь и принимаясь неловко оттирать лицо все тем же вымоченным рукавом.

Ванда не видела, как губы Кристиана тронула улыбка. Давай, сердись, лишь бы встряхнулась немного и отвлеклась. Подпалить его не могла, разве что стукнуть тем старьем, что пыталась привести в порядок. Где взяла эти наручи? Он чувствовал исходящую от них легкую защитную магию хранителей. Артефакт? Не с помощью его ли девушка укрепляла свой дух, контролируя приливы силы? Он покачал головой.

— Будь на твоём месте любой, — продолжал дразнить ее Рэйван, — хоть тот сублильный цветочек. Я поступил бы так же.

— Сублильный цветочек? — Ванда перестала умываться и даже повернулась к нему.

Вода капала с ее подбородка на грязную рубашку. Лицо очистилось от гари и покраснелось оттого, что тщательно терла кожу грубой тканью. Волнение в глазах сменялось удивлением.

— Ну как же? — хмыкнул Кристиан, про себя радуясь небольшому результату. — Тот самый инрэйг. Первая любовь, полагаю. С которой ты должна перестать бороться.

— Что? — задохнулась Ванда, поочередно обтирая рукавами лицо. — Все его слова, как, впрочем, и твои, — совершенная нелепица. Я не любила никого. Никогда. И не собираюсь.

— Надеюсь, это не клятва? — Кристиан удобнее устроился на траве, глядя в вечернее розовевшее небо.

Что он творит? Ванда прерывисто вздохнула, без сил опускаясь на берег рядом с ним. Пытается нести чушь, чтобы отвлечь ее? Рубашка вымокла и отлично холодила грудь. Так хотелось сейчас, чтобы холод проник под кожу, до самой души, остужая и ее.

— Если ты пожелаешь разорвать наш договор, я пойму тебя, — глухо произнесла она, не смея глядеть на Кристиана и ожидая его ответа.

— Ты ведь прекрасно понимаешь, что я не разорву его, даже если станешь умолять меня, верно? — спокойно отозвался некроромант. — Как понимаешь и то, что между нами нечто гораздо большее, чем простой договор. Я не назову это любовью — слишком рано. Но и не влюбленностью — слишком легкомысленно, как флирт на королевском занудном балу. Это скорее некое соприкосновение душ, Спичка. Нечто на ином уровне. Чувство новое для меня и тем интересное. Мне плевать, родная ты дочь Синхелма или нет. Передо мной ты можешь быть кем угодно, Ванда. Играй любую роль. Я все равно вижу тебя, как есть.

ГЛАВА 2

То, что сказал Кристиан... Он действительно чувствовал это? Его сердце тоже отзывалось, когда был рядом? Она была особенной для него? Ванда не смогла произнести ни слова в ответ. Наверняка сейчас нужно хоть что-то ответить. Это ведь было некое признание? Но без сил молчала, только чувствовала, как волшебное тепло разливалось в груди, даря желанное успокоение и заставляя глаза едва вызолотиться. Она была так благодарна! Но все, что могла, — смотреть в небо широко открытыми глазами, ловя обрывки смущавших мыслей.

— Королевский раахай вылетит к северной границе королевства на рассвете, неся послание Синхелму. Это самая быстрая и выносливая из почтовых птиц. Письмо Ламона он получит в кратчайшие сроки и должен будет дать ответ, — переводя тему разговора, пояснил Кристиан. — Затем король примет решение и отправит в Ард свой указ. Наверняка будет написана целая речь, на которую истратится не один пузырек золотых чернил.

— А если королю не понравится ответ отца? — Ей не удалось скрыть волнение в тихом голосе.

— Я уверен, что за долгие годы службы твой отец выучил то, что нужно говорить его величеству в подобных случаях, чтобы он остался доволен. Даже если это не будет полной правдой. Я лишь надеюсь, что Синхелм объяснится и откроется тебе. Я знаю, как он любим тобой. Все эти годы он был твоим миром. Был твоей семьей. И остается ею, даже после сего-

дняшнего откровения. Он далеко не идеальный отец, да таких и не существует. Все мы не идеальны. И я понимаю, что сейчас ты чувствуешь себя преданной. Но у него должны были появиться причины так поступить: принять тебя и воспитать как дочь.

— Я знаю, — сухим шепотом произнесла Ванда. — Я жду его ответа. Я хочу его понять.

Но чувство тревоги вновь нахлынуло на нее. Нет, не имело бы значения, родные они или нет, будь между ними любовь и доверие. Но сейчас пелена восхищения постепенно опадала, словно проясняя взгляд. И теперь каждый поступок отца выглядел совсем иначе. Все казалось не тем, что есть на самом деле, будто кто навел морок. Она была обессилена и мысли вновь путались, не давая покоя.

— Я должен признаться еще кое в чем, — выдерживая спокойный тон, отозвался Кристиан.

— В чем же? — Она повернула голову, разглядывая его лицо.

Белые пряди волос Рэйвана казались сейчас золотистыми, с каким-то необыкновенным оттенком, благодаря садившемуся солнцу.

— Это не разговор на берегу. И позже мы обязательно обсудим все в моем кабинете, чтобы понять, как действовать дальше в сложившихся обстоятельствах. Но думаю, что сейчас тебе полезно будет знать кое-что.

— Что же? — Ванда слегка приподнялась на локтях.

— Если раньше я сомневался, то сейчас уверен. Поэтому могу сказать тебе. — Кристиан сел, глядя на нее. — Заклинение иссушения имеет последствия не только для того, к кому применяется. Забирая жизненную силу, некромант может получить вместе с нею и часть знаний, воспоминаний этого человека.

— Ты хочешь сказать, что получил их от меня? — тревожно нахмурилась Ванда, продолжая внимательно слушать его.

— Да, — кивнул Кристиан. — И именно так я впервые заподозрил, что ты и Синхелм не родные по крови.

— Что же ты увидел? — взволнованная, она придвинулась ближе к Кристиану. — Что? Почему не сказал мне раньше?

Она закусила пересохшую губу, понимая, что и сама не спешила делиться своими секретами с женихом. Сам же Кристиан сейчас опустил подробности того, что нечаянно пришлось уви-

деть убийство возможного отца Ванды. Но полученной им информации пока слишком мало. Этот человек мог оказаться кем угодно. Хоть братом.

— Я видел пожар в томаринском лесу. Шел бой. Некий человек укрыл тебя щитом, спасая от смертельной опасности. Я не знаю, кто этот воин. Но судя по всему, ты была дорога ему. Он звал тебя Трин.

— Трин... — эхом повторила Ванда. — Поэтому ты произнес это имя в своем кабинете? Ты тогда окликнул меня так.

Рэйван кивнул.

— Да. Я не удержался, признаюсь. Тогда мне все казалось путаным. И я посчитал, что мои объяснения в тот день принесли бы тебе лишние тревоги. Я верю, что однажды ты вспомнишь все сама. Но сейчас хочу, чтобы ты знала это имя. Ты не обязана откликаться на чужое. Ты не обязана быть кому-то заменой. При всем уважении к утрате Синхелма, ты тоже чья-то дочь, чей-то мир, чья-то жизнь. Ты уже не дитя. Я надеюсь, что вскоре он даст ответ и откроет тебе правду. Полагаю, это меньшее, что должен сделать после всего, через что тебе пришлось пройти.

— Кристиан...

Удивительно, настолько странным было чувство, когда впервые обратилась к нему по имени.

— Я слушаю тебя. — Он поднял из травы небольшой камешек и бросил его в воду.

Тот долетел до небольшого деревянного моста, падая и заставляя листья бледно-голубых лилий мерно покачиваться. Светящаяся мошкара встревоженно поднялась в воздух, сверкая над лепестками, словно волшебная пыльца.

— Спасибо за все, — рискнула заговорить Ванда.

Кристиан повернулся к ней, наблюдая за выражением бледного лица. Синяки под глазами были так заметны. Сейчас он от всей души жалел, что был сыном Смерти, не способным ни исцелить, ни даровать хоть немного жизненной силы. Признаться честно, на мгновение даже ощутил некую зависть к мальчишке-инрэйгу.

— Пожалуйста, — ответил он, чувствуя сам некоторое опустошение.

— Скажи...

— Нет, — медленно качнул головой Кристиан, прекрасно поняв по выражению лица, что именно хотела спросить Ванда.

— Но вдруг так ты сможешь узнать больше, раз я сама сейчас не способна...

— Я не стану снова использовать это заклинание на тебе. — Взгляд Кристиана опустился к ее губам. — В тот раз это была вынужденная мера. Никакие воспоминания не стоят того, чтобы расстаться с жизнью. Ты поняла меня?

— Да, — сдалась Ванда, склонив голову набок и отрешенно глядя на блестящую внизу озерную воду.

— Просто дай себе время. Не важно, сколько его понадобится. Все придет в нужный час.

— А если нет?

— Поверь. — Слегка поморщившись от внезапно подступившей тупой боли в груди, Рэйван постарался, чтобы слова его звучали невозмутимо. — Воспоминания не всегда даруют облегчение. Иногда забвение — лучшее благо.

— Ты хотел бы забыть свое прошлое? — Ванда отвлеклась от своих размышлений. — В твоей жизни были события, которые до сих пор мучают тебя?

— Я лишь пытаюсь забыть тот факт, насколько скучно было мое жалкое существование, — устало отшутился некромант. — И знаешь, пожалуй, у меня есть для тебя, хм... подарок.

— Подарок? — удивилась Ванда.

— Да. Я не могу все время находиться рядом с тобой в сложившихся обстоятельствах. Но уверен, что это тебя немного отвлечет.

Улыбка некроманта Ванде не понравилась. Что он задумал?

— *Это?* — насторожилась она.

Кристиан вздохнул. Хотел же купить платье, честно. Но в связи с подготовкой к визиту короля все не получалось выбраться в город. Он обязательно займется этим позже. А сейчас мог сделать то, на что способен некромант: подарить своей очаровательной невесте мертвый дух... Очень романтично, что сказать.

Он протянул вперед руку открытой ладонью вверх. Затем тихо проговорил заклинание призыва, активируя проявившуюся в центре ладони печать. Глаза Кристиана потемнели, а голос понизился, становясь почти неузнаваемым. Послуш-

ная тьма заклубилась, сгущаясь у его пальцев. Змейкой обвила запястье, двигаясь дальше, пока не собралась на предплечье непонятным комком. Ванда, боясь шелохнуться, наблюдала за превращением. Сначала послышалось тихое урчание, перерастающее в низкий рык. Двумя алыми углями вспыхнули глаза. Сгусток тьмы вздрогнул и через мгновение расправил гибкое, чем-то походившее на дикого кота тело.

— Это — мараг, — коротко пояснил Кристиан.

Существо метнулось к Ванде, распадаясь призрачным туманом и вновь собираясь тьмой у нее на плече. Очертания его были такими нестабильными, будто в любое мгновение оно могло снова исчезнуть или трансформироваться. Только глаза ярко горели, внимательно следя за действиями живых людей. Мараг обвил шею Ванды длинным хвостом и оскалился.

— Как мило...

Она прекрасно помнила это маленькое чудовище. Не оно ли пыталось укусить ее в трактире, когда шла с Рэйваном на встречу к Яру?

— Хранить! — велел некромант существу, заканчивая творить свою магию.

Он прошептал что-то на неизвестном языке, и дух немедленно успокоился и принялся ластиться к Ванде, оставляя ощущение мягкости и холода от прикосновения.

— Он всегда будет рядом, в отличие от меня.

Ванда была польщена. Но гораздо меньше удивилась бы, вздумай Кристиан вручить ей свой портрет, который так хотела повесить в их комнате Ивон. Представляя себе, как они дрались бы с соседкой за право лицезреть его над своей кроватью, Ванда покачала головой. Мараг тихо заурчал и лизнул ее в щеку, словно кто-то провел по горячей коже льдинкой. Что ж, неплохо иметь такой охладитель, учитывая, какая стояла жара на тренировочных площадках в последние дни.

— Спасибо. Но как я объясню его появление у меня? Каждый будет знать, что эта сущность призвана некромантом.

— Тебе даже не придется особо врать, — усмехнулся Кристиан.

Дух на плече Ванды при этом так же довольно принялся урчать, будто вторил настроению хозяина. Кажется, с помощью этого создания некромант решил удвоиться.

— Что ты хочешь этим сказать? — Ванда рискнула дотронуться до существа.

Она не могла толком объяснить себе это ощущение. Казалось, что пальцы коснулись плотной энергии, едва приметно пульсирующей. Еще миг — и она почувствовала упругую гладкую шерсть под ладонью. Затем — пустоту, когда мараг вздумал раствориться в воздухе. Зверь появился на ее коленях, сверкая глазами.

— Весь зал слышал, как я заявил, что был приглашен Синхелмом в Беренгард, — принялся объяснять Кристиан. — Можешь смело сказать, что причиной было желание отца сделать подарок по поводу твоего предстоящего поступления в академию. Дух-фамильяр — вот что ему было нужно. Стаи хищных марагов обитают высоко в горах, где находится Беренгард. Для того чтобы призвать и приручить дух зверя, требуется опытный некромант, а также время. Так что я просто выполняю просьбу твоего отца. От его имени дарю тебе фамильяра. Так можешь сообщить особо любопытным. Это послужит и дополнительным поводом оставить тебя в покое. Пусть чувствуют влияние и покровительство Синхелма даже на расстоянии.

— Я чувствую лишь твое покровительство.

ГЛАВА 3

Она переместилась в замок, неподалеку от общежития. Ванда вздрогнула, когда перед глазами внезапно объявилась клыкастая призрачная морда, сверкая глазами. Она совсем забыла про подарок, и ей еще предстояло привыкнуть к его внезапному появлению.

— Сиди смирно, — велела Ванда духу.

Ее тут же нахально лизнули в нос, а затем рассыпались черным туманом. Она вздохнула и побрела в сторону женского общежития. Наверняка Ивон уже потеряла терпение и закидает ее бесчисленным количеством вопросов. Сейчас не было никакого желания что-либо обсуждать. Но прекрасно понимала, что выхода нет. Как хорошо, что коридор был пуст. Представляя, как выглядит сейчас, Ванда порадовалась возможности добраться незаметно, благо находилась совсем рядом. Она са-

ма просила Кристиана не отправлять прямиком в комнату, чтобы немного перевести дух перед тем, как войти.

Притормаживая перед дверью, Ванда вялым движением руки в последний раз отряхнула пришедшую в негодность рубашку и накинула на плечо мятую, перепачканную пеплом куртку. Входя наконец внутрь и закрывая за собой дверь, она тут же услышала возмущенный голос Ивон.

— Наконец-то! Где тебя носило все это время? Я чуть с ума не сошла! Что с тобой случилось? Выглядишь так, будто сражалась с армией демонов.

Подруга подскочила с кресла, шурша длинной юбкой, и двинулась к Ванде.

— Скорее они просто потоптались по мне.

Ванда прокашлялась, поскольку горло пересохло, и немедленно захотелось воды.

— Причем неоднократно, — прозвучал из противоположного угла комнаты другой знакомый голос.

Принимая у подруги заботливо поданный стакан воды, Ванда залпом осушила его. Затем поглядела на Шагрима, который нагло устроился на ее застеленной кровати, заложив руки за голову.

— Ты перебирался бы сюда насовсем, что ли, — поморщилась она.

— Отличная идея, — широко улыбнулся Талл, садясь и поправляя шнурок, которым стянул длинные волосы.

— Эй! — возмутилась Ивон. — Даже шутить так не смейте! Оба! А ты...

Подруга грозно ткнула пальцем в Ванду.

— Что?

— Немедленно ступай и вымойся! И приведи себя в подобающий вид. Выбрось эти лохмотья. Скоро в комнате нечем будет дышать.

— Слушаюсь, — покорно склонила голову Ванда, и пепел с волос посыпался на светлый пол.

— О боги, — застонала Лейвр.

Одна прядь ее волос метнулась к окну, открывая его настежь и впуская вечернюю прохладу.

— Синхелм! — Улыбка Шагрима стала еще шире, сверкая солнцем. — Если нужна будет помощь...

Вторая блестящая прядь опасной змеей устремилась к его лицу, предупреждающе замирая перед самым носом.

— Молчать, — ядовито велела Лейвр.

Ванда покачала головой и побрела в ванную комнату. Но, вспомнив, что забыла взять сменную одежду, устало вернулась назад, к своему шкафу. Выбирая чистую рубашку и штаны, она повторила попытку привести себя в порядок. Новая, ранее торжественно врученная проректором форма была полностью уничтожена. Хотелось бы надеяться, что хоть за это не отчитают завтра. Хотя какая разница? Что могло переплунуть сегодняшние новости?

Раздеваясь и чувствуя слабость во всем теле, Ванда бросила испачканную одежду в небольшую плетеную корзину. Вставая под прохладный душ, она почувствовала некоторое облегчение. Упираясь ладонями в стену и склонив голову, она позволила воде свободно течь по спине. Закрывая глаза, постояла так некоторое время.

Ванда слышала голоса товарищей в комнате. Опять о чем-то спорят. Она слабо улыбнулась, припоминая, что ни один из них не обмолвился о произошедшем в Белом зале. Ее отчитали, пытались соблазнить, но даже не намекнули на заявление короля. Решили сделать вид, что ничего не произошло? Она была так благодарна...

Где-то вверху послышалось тихое урчание. Пришлось открыть глаза, поднимая голову и глядя вверх. На перекладине, где крепилась цветная штора, отделявшая душ от остальной ванной комнаты, устроился наглый мараг. Видя, что его заметили, дух довольно свесился вниз. Широко скалясь, он поворачивал из стороны в сторону пушистую голову с острыми ушами.

— Кыш! — велела Ванда, изловчившись и брызнув в марага водой.

Существо зашипело, вздрогнув всем телом, будто и правда могло вымокнуть. Замахнулось лапой, собираясь проучить новую хозяйку. Затем припомнило, что значит это слово «хозяйка», и принялось оглушительно мурлыкать. Хвост при этом нервно молотил по шторе, выдавая притворство нахала. Боялся. Но явно не ее, что Ванда прекрасно поняла. Боялся, что от Кристиана получит по первое число, если не будет вести себя, как положено дареному фамильяру.

Смирясь с соседством, Ванда сдалась и наконец смогла смыть с себя и волос всю грязь. Ненавистный Ивон горький запах гари был уничтожен. Ванда обтерлась мягким полотенцем, немного подсушила им волосы и переделалась в чистую одежду. Мараг встрепенулся на перекладине, оживился, вздыбил призрачную шерсть и метнулся к хозяйке. Самодовольно усаживаясь на ее плече, он сверкнул глазами.

— Идем, — вздохнула Ванда. — Буду тебя знакомить...

Она вернулась в комнату и застала товарищей у окна, все так же о чем-то спорящих. Проходя мимо своей кровати, Ванда заметила на подушке белоснежный цветок каламеи, оставленный явно инрэйгом. Его нежный, свежий аромат коснулся ее, вызывая улыбку. Она склонилась к постели, поднимая цветок и собираясь рассмотреть его толком. Но в следующий момент мараг устремился по руке вниз и, разинув пасть, откусил едва распустившийся бутон, принимаясь бессовестно жевать его.

— Ты! — сердито схватила его за хвост Ванда.

Дух повис в ее руке, качаясь на хвосте и продолжая лениво жевать нежные лепестки.

— Что это? — поморщившись, спросила Ивон, обернувшись к подруге.

— Это мертвый детеныш марага! — воскликнул встревоженно Талл, заметив наконец, что именно наглец жевал. — Моя каламея! Выплюнь сейчас же! Откуда у тебя эта мерзость, Синхелм? Восставший дух? Seriously?

— Это подарок, — пояснила Ванда.

Подарок с довольным видом вернулся на ее плечо, сверля алым взглядом живую парочку, продолжавшую возмущаться.

— Подарок — это то, что тварь сжевала только что, — не успокаивался Талл. — Он опасен!

— Это создание мог призвать только некромант, — не собираясь приближаться к подруге, проговорила Ивон. — Кто дал тебе его? Ты можешь *это* выбросить?

— Это подарок отца, — повторила Ванда ложь, предложенную Кристианом.

Шагрим и Ивон неловко переглянулись.

— Мне дал его ректор по личной просьбе отца, — уточнила Ванда, видя обреченность на лицах товарищей.

— Сам Рэйван? — переспросила Лейвр.

— Да, — кивнула Ванда, а на ее плече, повторяя, закивал мараг.

— Кто дарит такое юной каэли? — Шагрим сложил руки на груди. — Какой в нем прок? Ни красоты, ни ума, ни...

Он подался вперед, к подруге, опрометчиво приближая лицо к притихшему марагу. Тот выждал мгновение. Затем вцепился когтями в рубашку Ванды и, разинув пасть, клацнул огромными клыками, вынуждая инрэйга задержать дыхание.

— Кажется, он не любит, когда его оскорбляют, — сделала вывод Ванда.

Сердито одернув расстегнутый воротник рубашки, Шагрим придал себе невозмутимый вид.

— Ты уже дала этому порождению тьмы имя?

— Нет, — пожала плечами Ванда. — Как-то не думала об этом.

— Зиль будет в самый раз. — Талл прошел к свободному креслу и опустился в него, закидывая ногу на ногу.

Зиль? На языке дикого горного народца римейцев это означало «зло малое». Кристиан подшутил над нею, подарив неугомонного духа? Интересно, как он отреагирует на новое имя питомца?

— Отличное имя, — улыбнулась Ванда.

— Не подпускай *это* ко мне, — категорично заявила Ивон.

Зиль возмущенно зашипел. Волосы Ивон моментально ожили, множеством серебристых змеек взметнувшись над ее головой, извиваясь и норовя схватить темного духа. Она зашипела в ответ не хуже марага, словно и сама была порождением тьмы или диким существом. Зиль притих, замер статуэткой на плече Ванды и только моргал огромными светящимися глазами.

— Так-то, — щелкнула ухоженными пальцами Ивон. — Не приближайся ко мне, темное создание.

Ее волосы снова легли гладкими прядями, и девушка прошла по комнате. С видом особы королевской крови она опустилась в кресло и расправила голубую юбку.

— Я стащил тебе еды с ужина, — отозвался Талл, выстукивая пальцами по подлокотникам.

— Только все давно остыло, — поджала губы Ивон.

— Разве это проблема? — пожал плечами Шагрим и обратился к Ванде: — С твоей силой ты его мигом разогреешь. Верно?

— Конечно. — Благодарная, она не стала создавать причин для волнения другу.

Разогреть она ничего не сможет. Сила оставила ее на сегодня. Но есть придется, чтобы хоть как-то восполнить ее. Пусть даже холодный ужин, но припасенный для нее с такой необходимой заботой.

— Спасибо, — обернулась к товарищам Ванда. — Спасибо за все.

Позже, когда удалось спровадить Шагрима и они с Ивон забрались в свои долгожданные постели, Ванда смогла немного расслабиться. Она накрылась одеялом по самую шею, чувствуя, что волосы, устилавшие подушку, все еще немного влажные. Завтра наверняка пряди завьются сильнее из-за того, что толком не высушила. Но это было так незначительно.

Зиль возник на высокой спинке кровати и делал вид, что дремал. Будто это и в самом деле требовалось сущности вроде него. Стоило одной девушке шевельнуться в постели, как фамильяр приоткрывал яркие глаза, лениво прищуривался и оглядывал комнату, едва освещенную лунным светом.

Ивон уже давно спала, когда и к Ванде пришел долгожданный сон. Он дал возможность забыться и оставить хоть ненадолго все тревоги. Ей снилось, будто парила или качалась, словно в колыбели. Ванда слышала тихий шелест листвы. А над нею сверкали яркой крошкой звезды, покачиваясь вместе с яркой луной в такт неспешному движению.

Чьи-то мягкие руки гладили ее волосы, касаясь щеки. И голос... Ванда слышала голос, на этот раз женский. И душа отчего-то отзывалась на него, тянулась, пытаясь разобрать слова. Голос пел нежно, тихо, а колыбель мягко качала ее, убаюкивая. Эта песня, такая знакомая, все звучала и звучала, даря ей успокоение.

Ветер, ветер тихо шепчет,
Колыбель твою качая,
Сон за хвост хватая крепче,
Свою песню напевает.

Он напомним, он расскажет,
Как босой в траве бежала,
Как за день ты стала краше,
Спи, дитя, ты так устала.

Ветер, ветер пахнет пряно,
Ночь умолкшую остудит.
Ты с зарею встанешь рано,
Солнца свет тебя разбудит.

Спи, дитя, спи безмятежно,
Я с тобой останусь ветром.
В летний зной, зимою снежной
Буду песней, буду светом...

ГЛАВА 4

Утро началось слишком внезапно. И началось оно с ехидной морды, едва не уткнувшейся ей в лицо.

— Боги!

Ванда со стоном села на постели и вяло откинула волосы с лица. На соседней кровати то же самое безуспешно пыталась сделать Ивон. Зиль довольно принялся драть спинку кровати. Но зашипел, стоило первым утренним лучам скользнуть по его призрачной шерсти, видимо не очень-то приветствуя солнечный свет. Он рассыпался туманом и объявился у кресла, сверкая в тени яркими глазами.

— Ты всю ночь говорила во сне, — укорила Ивон, лениво потягиваясь и зевая совсем не подобающим для благовоспитанной каэли образом.

— И что же я говорила? — спросила Ванда скорее машинально, чем из любопытства.

Она смогла встать с кровати, чувствуя себя при этом полурасложившимся зомби. Кое-как добрела до шкафа и рискнула глянуть в зеркало. Явно неудачно поднятое неизвестным некротом существо смотрело на нее скептически, щурясь не хуже Зилия. Оставалось зашипеть и начать корчиться под лучами солнца. Синяки под глазами стали потрясающе яркими, делая лицо еще более бледным. Волосы всклокоченные, будто ночью не спала, а нарочно спутывала пряди.

Что ж, новый день настал. Но горечь прожитого, вчерашнего, никуда не делась. Душа саднила, но Ванда внутренне собралась, не позволяя прокручивать в голове недавние события. Она должна думать только о том, что предстоит. Только об учебе. И погрузиться в нее полностью, лишь бы не возвращаться мыслями к горькой правде.

— У тебя есть какой-нибудь артефакт, — так и не дождавшись от подружки ответа на вопрос, повернулась к ней Ванда, — чтобы немного оживить вот это?

Она обвела пальцем свое сонное лицо. Ивон поморщилась, глядя на нее, и покачала головой.

— Боюсь, что я еще не настолько сильна... Тебе лучше обратиться с этим вопросом к Шагриму.

— Вот уж нет, — отмахнулась Ванда и даже немного взбодрилась. — Холодный душ вполне подойдет. А ты даже не смей думать, чтобы отправиться за мной!

Она пристально поглядела на марага, нервно забившего хвостом по полу. Дух склонил голову набок, и его глаза сделались огромными.

— Я не поддамся на это. Ты ведь понимаешь?

Сила тлела в ее груди малой искрой, пытаясь вспыхнуть и разлиться привычным теплом по крови. Но пока была слишком слаба. Радовало лишь, что сегодня предстояла только теория. Приведя себя в порядок, Ванда надела новую форму и тщательно заплела косу. Она прихватила пару нужных книг, добавив к стопке и одну из найденных в ящике Лейтона тетрадей. Ту самую, в которой отыскивала старые записи о сочетании основных рунных линеек. Были там пометки и о вариациях составления собственных линеек, написанных таинственным Р. Д. Эти записи могут стать весьма полезным дополнением к тому, что удастся записать на лекциях достопочтенного каэля Торина Морруса, преподающего у них рунологию.

В корпус боевого факультета сегодня лететь не придется. Они с Ивон будут часто пересекаться в основном замке Арда. Эта мысль согревала. Подруга улыбнулась ей, завидно походя на воздушное румяное облако в своих бело-голубых одеждах. Но Ванда чувствовала напряжение, которое Ивон тщательно пыталась скрыть.

— Что тебя беспокоит?

Они вышли в коридор общежития, направляясь к столовой.

— Сегодня два занятия у профессора Тэусса, — вздохнула Ивон, прижимая к груди книги.

Понимая причину ее волнения, Ванда кивнула.

— Знаешь, — продолжала подруга, — когда-то в детстве я наслушалась о волшебном вкусе плодов цаленсии. Той, что растет только в Нимерладских горах. Они были настолько редки, а я так измучила отца своим нытьем, что он велел раздобыть мне эти плоды. И когда вожделенное блюдо с удивительно пахнущими цаленсами стояло передо мной на столе, я трепетала от предвкушения и счастья.

— И каковы же на вкус эти плоды? — Ванда вздохнула, чувствуя на щеке легкую прохладу, когда Зиль возник на ее плече.

— Они оказались отвратительно горьки, — вздохнула Ивон.

— Профессор Тэусс стал для тебя своеобразным цаленсом? — спросила Ванда, хотя и так понимала, к чему вела подруга.

— Да, — подтвердила ее предположение Ивон. — Горький, терпкий, жесткий, он стал для меня в ту пору самым большим разочарованием. Но вместе с тем в тот день я открыла для себя и простые плоды ивии из нашего сада. Те самые, которые из каприза даже не пыталась попробовать. Они выглядели простоватыми и слишком обычными. Но на вкус оказались слаще меда. Мне стыдно, Ванда. Стыдно, поскольку я снова повторила ту же ошибку, что и в детстве. Я не извлекла нужного урока и была осмеяна. Поделом.

— Ты слишком строга к себе. — Ванда склонила голову, приветствуя двух преподавателей, шедших навстречу по шумному коридору. — Но что же собираешься делать? Я поддерживаю тебя, что бы ни решила.

— Я подала прошение о зачислении в группу каэля Гарса, — торопливо проговорила Ивон. Щеки ее отчего-то окрасил легкий румянец смущения.

Ванда сделала вид, что не заметила этого. Гарс был достойным человеком и наверняка опытным артефактором. Если Ивон будет чувствовать себя на его занятиях увереннее, возможно, это лучшее решение. Но было одно «но»...

— А как отнесся к твоему побегу сам Тэусс? Наверняка еще ни один студент не отказывался от его лекций, — осторожно поинтересовалась Ванда.

— Сегодня я об этом узнаю. — Голубые глаза Ивон налились цветом от волнения, а губы дрогнули.

— Все будет хорошо, — подбодрила Ванда. — Если приняла решение, будь тверда.

— Да. Я буду тверда. Я буду думать о камне.

— О чем?

— Да так...

Разговаривая таким образом, они добрались до столовой. Здесь пришлось разделиться. Ванда взяла поднос с завтраком, разворачиваясь и собираясь добраться до стола, где уже сидели одnogруппники. Расстояние казалось бесконечным. Но если вообразить себе, что выставила невидимый щит против любителей сплетничать или считающих свою кровь чище других, то вполне можно продержаться какое-то время. Она тщательно игнорировала шепот и смешки, раздававшиеся в громадном зале столовой, пока шла к своим товарищам. Но, увы, ее слух был слишком хорош.

— Приемьш сегодня слишком горда... — слышалось шелестение голосов где-то неподалеку.

— Я бы на ее месте в одно из ардовских озер кинулась от стыда...

— Я слышала, что Фемир Синхелм подобрал ее буквально у обочины...

— Бедная сиротка...

Ванда стиснула зубы, невозмутимо продолжая идти вперед. А стоило одному из особо сердобольных студентов вздумать поставить ей подножку, как черная тень метнулась к его ноге. Через мгновение, взобравшись к самому лицу нахала, Зиль яростно оскалился, обвивая его шею длинным хвостом. Став белым как полотно, мальчишка попытался отмахнуться от духа, но безуспешно.

— Вернись, — велела Ванда, заставляя фамильяра нехотя отпустить свою жертву.

— Ты сумасшедшая, Синхелм! — кинул вдогонку студент, стоило нечисти оказаться на ее плече.

И тут же умолк, когда мараг вновь хрипло зарычал.

— Чего ожидать от приемьша? — донеслось до Ванды напоследок, когда она опустила поднос на стол и села на свободный стул.

Молча кивнула товарищам, которые на минуту прекратили завтракать, глядя то на нее, то на Зиля. И зачем смотрели? Что? Сейчас ее попросят убраться? Не произнося ни слова, мальчишки вновь принялись есть, возвращаясь к своим тарелкам. Ванда взялась за вилку, заставляя себя повторить за ними. Она должна есть. Даже если не хотела. Должна.

Над столом повисло тягостное молчание. Но оно было для Ванды громче рева раненого ханка. Нет, они не были злы. Ее товарищи сдерживались. Но она прекрасно видела, что вопросов у них были миллионы.

— Откуда у тебя дух марага? — спросил вечно взъерошенный Раду.

— Я так зол, Синхелм! — перебивая его, не выдержал Гай и взмахнул вилкой, благо что пустой. — Как отец мог так подставить тебя? О чем он только думал? Разве он не знал, что королю не понравится, что его держат за...

— Гай! — одернул его Кахнер.

Ванда не отозвалась, молча продолжая есть. Вкуса не чувствовала, просто жевала, глотая, чтобы хоть как-то восполнить силы.

— Никто из нас не знает истинных причин, — хмуро продолжал Тео. — Причины есть всегда. Найдется и разумное объяснение.

— Какое разумное объяснение? Ты видел, что произошло вчера? Если бы ректору отчего-то не взбрело в голову перечить королю, то ее бы арестовали, как преступницу, — зло и хрипло пытался перейти на шепот Гай. — Теперь все зависит от проклятого письма... Серьезно?

— Хватит говорить так, будто Синхелм здесь нет. Она здесь. Как и это... это мертвое существо, — поморщился при виде Зиля молчавший до этого Ян. — Почему ты молчишь?

Он смотрел на Ванду.

— Потому что мне нечего сказать, — наконец отозвалась она. — Для кого-то из вас это проблема?

Она посмотрела на товарищессу исподлобья, чувствуя, как усталость накатила новой волной. Но ощущение огня в груди стало ярче, подсказав ей, что сила прибывала. По капле, но прибывала.

— Нет, — ответил за всех Кахнер. — Для нас будет проблема, если ты свалишься с ног и оставишь кого-то без пары для тренировки.

— Поэтому ешь давай! — Димер мрачно пододвинул к ней свою высокую кружку с молоком.

Рунные знаки едва вспыхнули на его пальцах, над кружкой появился пар, говоря о том, что содержимое было согрето. Согрето для нее...

Ком сдавил горло слишком неожиданно. Ванда задержала дыхание и посмела вдохнуть, только когда убедилась, что не разревется перед всеми. Думай. Чувствуй. Действуй. Только в таком порядке. Иначе она сойдет с ума. Ванда приняла кружку, благодарно кивнув Нейлу.

— Спасибо. — Делая глоток горячего молока, она ощущала, как все согревалось внутри, даря успокоение.

Зиль нагло растянулся на столе между посудой и протянул лапу к Димеру, поглядывая на него алыми глазами. Выпуская острые как бритва когти, сверкнувшие серебром, мараг поскреб ими рукав его формы. Раздалось нечто походившее на одобрительное урчание. Димер осторожно высвободил руку, явно не оценив расположение мертвого зверя-убийцы.

— Первое занятие у нас травология, — сменяя тему, чтобы разрядить обстановку, ухмыльнулся Гай. — Будет вести та грудастая...

Он закусил губу, неловко сжав в кулаки свои руки, которыми демонстрировал размер прелестей достопочтенной каэли Зорик. Ванда покачала головой. Мальчишки...

— Та уважаемая инрэйг, — поправляя себя, пробормотал Гай.

ГЛАВА 5

Первое из двух занятий каэли Маркар проводилось в громаднейшей оранжерее, походившей на некий прозрачный лабиринт, выполненный из стекла и камня. Небольшие, выложенные разноцветными камнями дорожки вели к различным частям бесконечного строения. Некоторые имели прозрачный купол и были буквально залиты солнечным светом. В других местах помещение освещалось только зачарованными сферами. Они парили над головами студентов, не тревожа те расте-

ния, что привыкли прятаться от дневного светила. Были места, где остро пахло сыростью и тленом, а порой стоял такой смрад, что слезились глаза. Торопливо выходя из одной такой секции, Ванда спрятала лицо в сгибе поднятой руки, из последних сил стараясь не дышать.

— Что за ужас? — воскликнул кто-то из ее согруппников.

В ответ нечто змеевидное, укрытое слоем противной темной жижи, высунулось из секции, поползло к ноге студента и стремительно обвилось вокруг его щиколотки. Гибкий обнаглевший корень илхикамина куатемока собрался утащить к себе неосторожного студента, потревожившего его громким голосом.

— Как вы можете видеть, — невозмутимо продолжала объяснения Зорик, глядя на попытки подопечного высвободиться, — илхикамин не гнушается и живой плотью для подпитки своих корней.

— Помогите! — Ян попытался оторвать корень от ноги, но тот оплел ее еще сильнее, уже подтаскивая мальчишку к своему логову.

— А также можете видеть, что бывает с теми, кто слишком болтлив, когда велено молчать! — Маркар едва шевельнула рукой, веля корню оставить в покое бедолагу.

Растение нехотя подчинилось, и склизкая змея побега скрылась в темноте секции, откуда послышалось печальное бульканье.

— Проклятье... — пробормотал Ян, поднимаясь и трясая ногой, чтобы убраться с ботинка грязь. — Подождите меня!

Возмущенный студент отправился вслед за товарищами, вовсе не горевшими желанием находиться рядом со смердящим согруппником.

— Илхикамин предпочитает заболоченные земли. Преимущественно обитает на Раудморских топях. Но встречается и на окраине томаринских лесов, в западной части. Оттуда и был привезен в оранжерею образец, который вам представлен сегодня, — рассказывала Зорик.

Инрэйг шла впереди своих подопечных. Темно-зеленое платье очень шло ей. Яркие огненные волосы Зорик оставила распущенными, только по сторонам лица подобрала их небольшими гребнями.

Голова буквально кружилась от слабости. Но Ванда наконец смогла нормально дышать, убирая от лица рукав формен-

ной куртки. Она пошатнулась, неловко ступая по каменной дорожке, и была поддержана гибкой цветущей лианой, спустившейся к ней с купола очередной секции.

— Кто-то не выпался? Или вчера слишком увлекся тренировками? — спросила Зорик, останавливаясь рядом с Вандой.

Ее золотой взгляд, казалось, видел все насквозь. Инрэйг мягко улыбнулась и подняла руку к своим волосам. Она вытащила один гребень и аккуратно заколола его в основание сплетенной косы Ванды.

— Давай немного освежим тебя, странная девочка, — улыбнулась Зорик, а затем продолжила вести занятие как ни в чем не бывало. — Илхикамин относится к линейке плотоядных растений. Но его легко можно спутать с нопалцином куатемокка, который находит питание исключительно в донных отложениях...

— Вот этот пальцин мне больше нравится, — пробурчал Ян, перебивая преподавателя и наконец-то догоняя одноклассников. — Ненавижу все, что пытается меня сожрать!

— Одного прикосновения стебля нопалцина достаточно, чтобы вызвать сильнейший ожог, — продолжала Зорик, прохаживаясь рядом с лианами, цветущими темно-синими цветами. — А ожог вызывает яд первого уровня, вызывающий полный паралич жертвы. Которая, в свою очередь, непременно утонет, опускаясь на дно.

Инрэйг приблизилась к студенту, глядя на него пронзительным янтарным взглядом, буквально гипнотизируя своим голосом.

— Чаще всего на дне Раудморских топей обитают популяции эллеурий — созданий, способных обглодать за несколько минут даже тушу дикого ханка. И вот перегнившими остатками их пиршества и питается так понравившийся тебе нопалцин.

Ян сглотнул ком в горле, нервно улыбаясь преподавателю.

— Первое правило безопасности на топях — ваше тело должно быть полностью скрыто одеждой. Никаких открытых участков.

— Я вообще никогда не собираюсь даже приближаться к этим поганым топям! — возмутился кто-то из группы.

— Пара илхикаминов будет лучше охранных печатей, — хмыкнул Гай.

— Все враги разбегутся от того, кто будет смердеть на всю округу, — поморщился Раду. — У них будут слезиться глаза, оттого и станут беззащитными. Как, впрочем, и ты, Гай. Тебя эта склизкая зараза слопает первым!

Слушая болтовню товарищей и объяснения преподавателя, Ванда с удивлением отметила, что голова уже меньше болела от их голосов, в теле ощущалась легкость. Каэли Зорик восстанавливала ее силы через свой гребень? С благодарностью Ванда прикоснулась к украшению. Пальцы слегка покалывало при контакте с золотистыми камнями, которыми оно было инкрустировано. Эта женщина снова выручила ее...

— Здесь вы можете видеть веренику дурмящую, — тем временем представляла обитателей оранжереи Зорик.

Приятный тонкий аромат наполнил легкие, стирая воспоминания о посещении логова плотоядного илхикамина. Вереника была невысоким деревцем с корой, походившей на крупную темную чешую. Тонкие ветви причудливо изгибались при приближении Зорик. И непонятно, что тому причиной: присутствие инрэйг или само деревце было живое. Большие бледно-желтые цветы с гладкими блестящими лепестками поворачивались вслед за движениями преподавателя, будто боясь упустить хоть слово.

— Она цветет. — Ванда с интересом наблюдала за цветами, а те, казалось, в ответ изучали ее, глядя почти черными бархатными сердцевинами. — Разве ее аромат не опасен?

— Напротив. — Зорик улыбнулась, приближаясь к веренике.

Словно послушный питомец, деревце потянулось к ней ветвями, а аромат усилился благодаря едва приметной желтой пыльце, поднявшейся в воздух.

— Опасны не цветы, а плоды вереники. Через несколько дней лепестки опадут и завяжутся плоды. Вызревая, они образуют изингому — разновидность так называемой коробочки. Она распадается на части, разрываясь по швам, и открывает сердцевину с закрепленными на ней семенами. Именно они источают дурмящий аромат, который действует на людей губительно. Он не смертелен. Скорее таковыми могут быть его последствия. Поскольку человек рискует оказаться в опасности, не контролируя ни свой разум, ни действия. Поэтому стоит обходить стороной заросли вереники в этот период, — пояснила Зорик, поглаживая ветку деревца.

Ох уж этот разум! Ванда вздохнула, вновь ощутив аромат. Что же ей поделать с собственным разумом? И как вернуть утерянные воспоминания? Занятие закончилось, и Зорик повела их дальше, к выходу. Ванда задумалась, любуясь тем, как солнце поблескивало, играя лучами в стеклянных куполах оранжереи. Там, во дворе, шумели деревья, шелестя яркой листвой под порывами ветра.

— Ветер, ветер тихо шепчет... — отрешенно проговорила Ванда.

Слова песни зазвучали в памяти. Они казались знакомыми, и в то же время она понятия не имела, где могла их слышать.

— В летний зной, зимою снежной... Буду песней, буду светом...

— Что ты там бормочешь, Синхелм? — Гай толкнул ее плечом. Но тут же отпрянул, когда его едва не цапнул за нос Зиль. — Вот нечисть!

Он поторопился обогнать Ванду, присоединяясь к остальным студентам, спешащим покинуть оранжерею.

Зорик задержала Ванду, поманив к себе пальцем. Она с любопытством посмотрела на марага, тершегося мордой о щеку студентки.

— Мертвые души буквально окружают тебя. Ты не находишь это странным? — Инрэйг приподняла медную бровь.

— Возможно. — Ванда неловко улыбнулась.

— Откуда у тебя эта прелесть? — Зорик склонилась к плечу девушки, совершенно спокойно приближая лицо к беспокойному духу и разглядывая его. — Я ощущаю присутствие знакомой силы.

Слушая ее, Зиль приподнял уши и принялся поворачивать голову, наклоняя ее то вправо, то влево. Затем ощерился во все зубы, будто пытаясь улыбнуться. Подарок Кристиана не считал Зорик угрозой?

— Этот дух был призван и приручен ректором Арда.

— Точно! — хохотнула Зорик. Выпрямившись, она убирала за спину волосы, которые поддерживались теперь только одним гребнем. — Я-то думаю, что за сила мне знакома? Так это Крис призвал лапушку-марага?

— Да, — не зная, чего от нее ожидать, подтвердила Ванда. — Отец просил его об этом в качестве подарка...

— Конечно-конечно, — улыбнулась преподаватель. — Я рада.

— Чему?

Ванда удивилась, идя рядом с нею по дорожке к открытым дверям оранжереи. Так и бросили их открытыми? Ведь Зорик велела закрывать их за собой.

— Я рада, что Крис справляется. Он даже сделал подарок.

— Что вы имеете в виду? — замерла Ванда. — Я же говорила, что он лишь выполнил просьбу моего отца.

— Так всем и говори. — Зорик легко коснулась ее лба пальцем, вырисовывая некий целительный знак. — Главное, всегда будь честна с собой. Доброго дня, странная девочка.

Зорик усмехнулась. Махнув на прощанье рукой, она легко направилась к выходу, покидая Ванду, которая находилась в некоторой растерянности. Зиль пытался заглянуть в лицо хозяйке, но она только тихо вздохнула. А затем вышла во двор, под жаркое солнце. Фамильяр недовольно заворчал и развеялся туманом, оставляя Ванду наедине с ее мыслями.

ГЛАВА 6

Стоило начаться большому перерыву, как Ивон получила уведомление о том, что проректор желает видеть ее в своем кабинете. Занятия по артефакторике начинались во второй половине дня. С профессором Тэуссом она пока не виделась. Предполагая, что по поводу ее заявления и хотела говорить Вильят, Ивон взволнованно шла по коридору академии. Поднимаясь по лестнице к нужному крылу замка, она прошла мимо ректорского кабинета, дверь которого была открыта настежь.

Сам кабинет оказался пуст. Только на столе шуршали бумаги, которые подхватывал ветер, врывавшийся в окно. Ректор забыл закрыть за собой дверь, когда куда-то в спешке уходил? Или сквозняк пошалил, поскольку никогда не запирался замок?

Из вежливости все же решаясь толкнуть дверь, Ивон хлопнула ее. Селма Вильят ожидала в конце коридора, где располагался кабинет проректора. Серебряная табличка блеснула на темной двери, когда Ивон приблизилась к ней. Девушка мысленно пожелала себе удачи, собрала с духом, сделала глубокий вдох и постучала. Получив разрешение войти, она

еще раз свободной рукой пригладила волосы, другой прижимая к груди свои книги.

В просторном кабинете было довольно уютно, как и в прошлый раз, когда посещала его по прибытии в академию. Но сейчас Ивон смотрела не на редкую изысканную мебель или картины на стене. Вильят была не одна. Сама проректор сидела за столом, в высоком удобном кресле. По правую руку от нее, к ужасу Ивон, восседал на небольшом диванчике с резными подлокотниками сам профессор Тэусс. С другой стороны молчаливо, словно провинившись в чем-то, стоял каэль Гарс. Ему не предложили сесть, что являлось дурным знаком. Ивон прекрасно понимала это.

— Проходите же, Лейвр, — своим особым повелительным тоном проговорила проректор.

Тэусс поглаживал тощую бородку, поглядывая на студентку маленькими темными глазами под нависшими лохматыми бровями. Смотрел так, словно она была полнейшим разочарованием, которое умудрилось стать им дважды. Ивон прекрасно знала, что без порчи нервов не обойдется. Но все принимало опасный оборот. Что здесь происходило?

Она мысленно обзавелась лучшим щитом из материнских благословений и шагнула к столу проректора, останавливаясь перед ним. Руки предательски задрожали, но Ивон крепче сжала пальцами книги.

— Я никогда не думала, что придется вызывать вас к себе по подобной неутешительной причине, каэли Лейвр. — Принимая скорбный вид, Вильят покачала головой.

— Что же в моем простом заявлении вызвало подобные мысли? — спросила Ивон, похвалив себя за то, что голос звучал вполне достойно.

— Я помню, как горели ваши глаза, как вы были полны энтузиазма и мечтали попасть в группу достопочтенного каэля Тэусса. Не каждому студенту выпадает подобная часть, — продолжала Вильят.

— Я не ставлю под сомнение профессиональные качества кого-либо из преподавателей Арда, — произнесла в ответ Ивон. — Более того, я уверена, как и каждый из студентов, что в королевской академии преподают только лучшие из лучших. Я лишь прошу о возможности выбора более подходящей для меня тактики обучения. Мне бы не хотелось...